

Новогодняя неделя хаоса в Казахстане 2022

Кризис либеральной модели и перспективы
изменения структуры безопасности

Центральной Азии
Фабрицио Вьельмини



Vision & Global Trends. International Institute for Global Analyses
Piazza dei Navigatori 22, 00147 – Rome (Italy)

The views and opinions expressed in this publication are those of the authors and do not represent the views of the Vision & Global Trends. International Institute for Global Analyses unless explicitly stated otherwise.

© 2022 Vision & Global Trends - International Institute for Global Analyses
© 2022 Fabrizio Vielmini

First Edition: January 2022

Analytical Dossier 02/2022 - ISSN 2704-6419

www.vision-gt.eu
info@vision-gt.eu

Новогодняя неделя хаоса в Казахстане 2022

Кризис либеральной модели и перспективы
изменения структуры безопасности
Центральной Азии
Фабрицио Вьельмини



Новогодняя неделя хаоса Казахстана 2022

Кризис либеральной модели и перспективы изменения структуры безопасности Центральной Азии

Фабрицио Виельмини

Несмотря на неожиданный взрыв, неделя беспорядков, опустошивших Казахстан в начале года, меня не удивила. Уже во время моего последнего визита в стране, два года назад, меня поразило как абсолютное чувство раздражения преобладало среди всех социальных слоев населения. Терпение народа было исчерпано по отношению к паразитическому поведению политической мафии, действующей часто без ограничений в расточительстве общественных ресурсов. В условиях дальнейшего обнищания населения, вызванного ограничениями из-за пандемии, критическая масса взрыва пролетарского гнева была готова активизироваться. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что основной причиной насилия была социальная несправедливость. На самом деле, ход событий мог бы быть другим, если не принимали бы участие два других фактора, борьба элиты за власть и контроль над ресурсами и геополитическое соперничество в Евразии.

Если мы хотим разобраться с событиями, потрясающими евразийский гигант в первой неделе 2022, надо начинать с положения населения страны и со сложных процессов социальной трансформации, которые происходили в стране в последние 30 лет, как результат применения либеральных рецептов.

От Нео-либеральных потрясений к Раздроблению общества

На момент распада СССР Казахстан был единственной федеративной республикой, в которой «титупьная» национальность не составляла большинства населения (всего 40,1% из 16 464 500 жителей по п.н. 1989 г.).

Помимо русских существовал (и в значительной степени остается) калейдоскоп из более чем ста этнических групп - таких как немцы, татары, узбеки, корейцы, евреи, армяне и т.д. – разделяемый с большинством казахов использованием русского языка и культуры (в их советских вариантах).

Как и в России, это разнородное общество потрясли либеральные «реформы» 1990-х г., превращающие Казахстан в гибрид элементов «восточного деспотизма» и англосаксонской либеральной модели. Одним из последствий неолиберальной реструктуризации стала миграционная кровопотеря почти трех миллионов человек в период с 1989 по 2001 год. Уехали многие из самых передовых с культурно-экономической точки зрения жителей страны. Большинство остальных были вынуждены приспособливаться к борьбе за выживание в условиях второсортного гражданства.

К этническим разломам казахстанского социума следует добавить трещины связаны с родоплеменной артикуляцией на три жус, на которых исторически держится казахское общество, что стало более актуальным с проводимой новой властью политикой «национализации» идентичности. Особенно в те годы, когда ельцинской России, казалось, суждено было покончить с СССР, режим президента Назарбаева неофициально проводил этнонационалистическую политику, направленную на увеличение удельного веса «большинства» этноса, в том числе с учетом внутреннего дисбаланса, когда в северных регионах преобладали русские и другие «европейские» меньшинства (отсюда и решение о переносе столицы из Алматы в Астану в 1997 году). Эта политика предусматривала репатриацию казахской диаспоры за границу (так называемых оралманов), официально компенсирующую демографические потери славянской и немецкой эмиграции.

Таким образом, помимо легитимации себя в националистическом смысле, режим отвлекал внимание от социального неравенства, порожденного новым либеральным курсом экономической политики, характеризующимся высокой социальной поляризацией, накоплением огромного богатства наверху и 10% в основании пирамиды, социальная борьба за выживание в годах экономического «бума» 2002-2014.

В дополнение к описанному вертикальному неравенству, несправедливое распределение ресурсов также консолидировалось на региональной основе. Например, на Западе Казахстана, основе энергетического богатства, средний доход оказался в три раза выше, чем на сельском юге, где выше процент бедных и деградация базовой инфраструктуры.

Нео-либеральные потрясения подорвали хрупкую геополитическую структуру страны, создав социальную напряженность, сохранявшуюся на протяжении многих лет. Политическая апатия стала доминирующей чертой казахстанского общества (термин, который включает в себя всех граждан, помимо этнического факта).

Сочетая слабость гражданского общества со слабостью политических институтов и благосостояния, все это создало вакуум, в котором выросли как этнонационализм, так и исламистский радикализм.

В обширных и деградировавших пригородах страны, салафитские группы представляли собой перспективу искупления для отверженных и молодежи, отвечая на глубокое и широко распространенное требование социальной справедливости. Исламистские сети постоянно росли, проникая глубоко в самые отдаленные окраины так как и в тюрьмы, где они нашли подходящую среду для своего воспроизводства и распространения, даже путем взаимосвязи с криминальным миром.

Эти явления долгое время игнорировались руководством, в том числе потому, что оно противоречит эйфорическому официальному нарративу о стабильности и успехе «казахстанской модели», воспеваемому западными партнерами режима.

Более того, сам режим был непосредственно причастен к распространению ислама, рассматриваемого как элемент укрепления его сомнительной легитимности и национальной идентичности. Еще более тревожным являлся то, что члены ближайшего окружения Назарбаева, такие как его племянники Кайрат Сатыбалды и Самат Абиш, долгое время занимавшие руководящие должности в Комитете национальной безопасности (КНБ), связывались с неформальными радикальными религиозными группами, граничащими с хорошо структурированными военизированными формированиями, особенно по племенному признаку, в южных районах страны.¹

Эти устоявшиеся амбивалентности на вершине режима уже более десяти лет позволяют говорить о «стратегиях напряженности», которые, могли бы быть задействованы в рамках борьбы за власть между различными олигархическими группировками.

¹ Д. Кислов, *Террористический транзит*, 07.01.2022, <https://fergana.media/articles/124571/>

Борьба кланов и реакция Токаева

Таким образом, если несправедливость созданной либеральной модели остается главным драйвером протестов, вторым фактором является внутренняя политическая обстановка. Действительно, хотя они и создали горячий материал протеста, экономические причины не могут объяснить хаос, в который погрузилась страна в период со 2 по 9 января, особенно неадекватную реакцию сил правопорядка, почему аппарат безопасности так плохо реагировал.

Следовательно, чтобы разобраться в нынешнем кризисе, нужно обратить внимание на те национальные олигархические группы, которые выросли при дворе экс-президента Назарбаева за три десятилетия его правления. Когда диктатор устарел, родственники, любовники и различные придворные стали обладать лично значительной частью огромных госдоходов от энергоресурсов, которые слилась в сеть капиталов и активов в безопасных убежищах в западных странах. Новогоднее восстание является развязыванием внутренней вражды кланов за это национальное богатство.

Взрыв выражал напряженность, накопившуюся на вершине власти после формальной отставки Назарбаева в 2019 году, так называемая ситуация двоевластия. С момента вступления в должность новый президент Касымжомарт Токаев оказался неспособным действовать автономно, заблокированный вето, наложенным мафией семьи Назарбаева.

По мнению профессора А. А. Князева,² Токаев пытался использовать первые протесты на Северо-Западе, чтобы выйти из тупика двоевластия. Он внезапно распустил правительство и это встревожило представителей назарбаевского окружения, побудив их развязать первые волнения в южных регионах. В этой сценарии, ожидалось, что Токаев, фигура, у которой, как считалось, не хватает сила, необходимой для управления насильственными ситуациями, уйдет в отставку или примет условия Фронды по контролю над ресурсами.

Наоборот, Токаев продолжил свою линию. В этот момент такие фигуры, как упомянутые племянники Назарбаева, за счет своих рычагов в госаппарате и контактов с диверсионными группами, решили бросить карту всеобщего насилия в нагнетании террора среди населения, чтобы выиграть партию.

² “La protesta è nata pacifica la violenza è tra oligarchi e clan”, il manifesto, 8 gennaio 2022
<https://ilmanifesto.it/la-protesta-e-nata-pacifica-la-violenza-e-tra-oligarchi-e-clan/>

Возможно, такой шаг ускорили слухи о смерти Назарбаева, исчезнувшего из публичного пространства после визита Москвы в конце декабря.

Международное положение и геополитическое значение кризиса

Кроме социального кризиса и столкновения кланов, события в такой стратегически важной стране, как Казахстан, нельзя понимать без учета третьего фактора, связанного с его геополитической позицией.

Хотя на данном этапе преждевременно делать точные выводы, безусловно, динамика кризиса обусловлена общим фоном созданным текущей агрессивной политикой, которую США проводят одновременно в отношении России (украинский фронт) и Китая (Тайвань, создание блока *AUKUS*). На данный момент, англо-американцы, безусловно, заинтересованы в дестабилизации Казахстана, который является важным элементом для российско-китайского стратегического партнерства. На этом фоне видно существование **транснациональной сети «цветных революций»**. Эта либеральная пародия на «Коминтерн» состоит из тысяч молодых противников вышеупомянутых режимов, которые находятся на территории Польши, Украины (пост-Майдан) и других форпостах НАТО, для которого они действуют как структуры поддержки и мобилизации для контролируемой смены режима.

Есть также ультранационалистические силы, которыми, согласно сценарию, разыгранному в Украине в 2014 году, США могут манипулировать, чтобы нацелиться на 3,5 миллиона этнических русских (все еще 18% населения).³

Эти факты объясняют, с какой скоростью **Россия** отреагировала на призыв Токаева к вмешательству сил Организации Договора о коллективной безопасности (**ОДКБ**), "Восточного НАТО".

В том же духе есть и те, кто видит заинтересованность России в ослаблении власти Казахстана, чтобы заблокировать страну через нестабильность и так предотвратить его потенциальный прозападный дрейф.

Но это выглядело бы как слишком рискованный шаг со стороны Москвы. Скорее, Путин хотел избежать сюрпризов на огромной территории, прилегающей к стране, своего рода «мягком подбрюшье» российской державы. В действительности, российская интервенция сыграла решающую

³ М.К. Bhadrakumar, Kazakhstan turns into graveyard for US diplomacy, Indian Punchline, 9.01.2022, <https://indianpunchline.com/kazakhstan-turns-into-graveyard-for-us-diplomacy/>

роль в остановке спирали насилия перед лицом растерянности национальных сил безопасности. На самом деле, вмешательство ОДКБ представляет собой рискованный шаг, но, в любом случае, учитывая взаимосвязь российского и казахстанского пространств, для Москвы это - меньшее зло.

Применение ОДКБ сделало кризис в Казахстане роковым для геополитической конфигурации постсоветского пространства.

В течение тридцати лет Казахстан находился в центре сложных моделей международных отношений. Для Нурсултана было очень важно быть принятым не как «еще один стан», а как **полноправный игрок мировой политики**. Для этого, между тем, что проводилась линия на уступки российской политике, ключевым моментом остался выбор, представленный как «модернизация», приспособление к либеральному рецепту финансового капитализма и проникновение интересов США в *Хартленд*.

Январский хаос, похоже, в значительной степени свел на нет все это. Вместе с населением, **пострадала модель государственности и экономики**, цтроевшейся в течении трех десятилетий.

Согласно теории **Региональных комплексов безопасности** Копенгагенской школы, постбиполярная Центральная Азия долгое время оставалась пространством, разделенным между двумя статусами.

1. **быть составной частью российской безопасности** (и, следовательно, державы)

2. попытки и **проекты создания отдельного блока**,⁴ идеально автономного, с практической точки зрения, как **буферное пространство**, поддерживаемое Западом и/или Турцией для своих евразийских амбиций (альтернативно и потенциально восточноазиатскими державами, такими как Япония и Корея).

С **вмешательством ОДКБ** в казахстанскую анархию, «НАТО Востока», существовавшее до этого момента как пустой каркас, **превратилось в оперативного игрока в условиях стратегического противостояния внутри бывшего СССР**. В течение нескольких часов ОДКБ мобилизовала бронетехнику и силы специального назначения численностью 3 тысячи человек, используя для переброски по воздуху 70 самолетов. **Скорость и**

⁴ Barry Buzan and Ole Wæver, *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

эффективность, с которой Москве удалось провести такую операцию, еще раз подтвердили **единосущность казахстанского пространства с российским** периметром безопасности. Нестабильность обширных и сопредельных стран может поставить под угрозу саму территориальную целостность России.⁵

Вследствие признания Казахстаном своей зависимости от внешней державы **меняются все региональные стратегические балансы**.

Казахстан, который до сих пор формально пользовался свободой действий в отношении действий России, отныне **будет находиться в более определенной зависимости от воли Москвы**. Таким образом, исчезают надежды на создание **единого центральноазиатского геополитического полюса**, линия, на которую особенно надеялись некоторые лидеры **Узбекистана**, сначала при режиме Ислама Каримова, а затем как возможный итог курса регионального сотрудничества, продвигаемая нынешним президентом Мирзиевым.

Более того, **казахстанский Новый год завершил геополитическую трансформацию, начатую 15 августа поспешным выводом войск США из Афганистана**.

Выводы

Таким образом, январской хаос в Казахстане завершил процесс признания ограниченности талассократической силы США в определении баланса сил Центральной Евразии путем создания санитарного кордона против стратегических конкурентов региона.

Китай поддержал интервенцию под руководством России, подтвердив уважение соответствующих сфер влияния в регионе.

Блицкриг ОДКБ тоже, в очередной раз, **разгромил пантюркистские химеры**, которые за последние пять лет вновь начали бродить по Евразии как результат попыток Анкары вдохнуть новую жизнь в организации сотрудничества тюркоязычных стран.

Через проведения успешную операцию, Россия подняла свой геополитический статус по всей Евразии.

⁵ Эффектно описанный двадцать лет назад С. Панариным в *Satrapie centroasiatici giocano gli americani contro i russi*, Limes, n. 3, 2002, p. 48-61.

Однако еще предстоит выяснить, насколько стабильной останется ситуация в Казахстане после такого потрясения.

В любом случае ситуация критическая. Реальности Казахстана таковы, что преобладает географическая и антропологическая раздробленность. Казахи, помимо того, что они волевые и рассерженные люди, также чрезвычайно разделены по региональному и племенному признаку.

Токаев должен сейчас следовать социальным требованиям справедливости, и преодолеть критику со стороны внутренней оппозиции относительно «сдача национальные интересы Москве», которая будет очень жесткой.

Главным вызовом с которым еще долго будет сталкиваться власть, это сценарии борьбы между кланами за гегемонию с ее националистическими и религиозными особенностями.

Не следует также забывать, с какой болью русские и другие национальные меньшинства (которые всегда были избирателями Назарбаева воспринимаемого в качестве фигуры гарантирующей междунационального мира) переживают нынешний транзит, в котором они легко могут стать мишенью любой стратегии искусственного напряжения.

Справится ли Токаев? В такой стране без сильной власти практически невозможно обойтись. В лучшем сценарии Токаев должен вернуть себе командование над безопасностью и привлечь к уголовной ответственности наиболее ненавистные фигуры прежнего режима (или, по крайней мере, вернуть огромные состояния, украденные у народа). После этого президент может начать процесс примирения, в котором изгнанные лидеры, такие как Аблязов, возможно бывший Премьер-Министр Кажегельдин, реинтегрируются на политическую арену.

Учитывая наличие вышеупомянутых (и многочисленных) внешних и внутренних спойлеров, задача будет очень сложная. «Патриоты» будут обвинять Токаева в посредничестве «оккупации» со стороны России. Будут еще случаи, когда ситуация будет иметь тенденцию выхода из-под контроля.

В результате, чтобы извлечь правильные уроки, недавние кризисные события в Казахстане требуют полного пересмотра экономической модели, которой Казахстан, как и Россия, следовали последние 30 лет.

Должно быть понимание того, что финансовый капитализм (и особенно его форма рантье, принятая в бывшем СССР), который легитимировал и поощрял неравенство, нестабильность и социальные страдания, является силой, разрушающей изнутри потенциал евразийских государств. Существующий экономический порядок должен быть критически преобразован, чтобы служить сбалансированному развитию и благосостоянию людей.



Vision & Global Trends - International Institute for Global Analyses

www.vision-gt.eu

info@vision-gt.eu